

ГЕНЕАЛОГИЯ НИЖЕГОРОДСКИХ КРЕСТЬЯН XVII в.

Ведущим классом, создателем материально-духовных ценностей феодального общества является крестьянство и его основная социальная ячейка — крестьянская семья. Сегодня можно говорить о достаточной изученности истории России времени феодализма, чего нельзя сказать об исследованности жизни и хозяйственной деятельности бобыльско-крестьянского сословия русского общества XVII в.

Объясняется это незначительностью актовых источников, отражающих всесторонне жизнь отдельного бобыля или крестьянина. Упоминания же о них в актах прежде всего судебного делопроизводства носят обычно фрагментарный характер и отличаются временной ограниченностью. Поэтому исследования С. В. Бахрушина о торгово-предпринимательской деятельности и родословных государственных крестьян В. Гусельникова, Г. Никитина, братьев Глотовых и т. д.,¹ Н. А. Баклановой о крестьянах нижегородского патриаршего Благовещенского монастыря Калмыковых,² К. Н. Сербиной о тихвинцах Самсоновых, Шпилькиных, Корольковых, Остратовых, Погудиных,³ о черносошных крестьянах А. Карандашеве и Д. Момотове⁴ приобретают в данном аспекте особую значимость.

Для отечественной исторической науки могут представить интерес выявленные нами материалы о генеалогии бобыльско-крестьянских родов торгово-промышленного нижегородского села Лыскова, характеризующие их за весь XVII в., на протяжении трех поколений. Причем за это время они были и бобылями, и крестьянами, государственными и частновладельческими. Поэтому наблюдения их жизни в изменяющихся условиях социального положения могут быть особо важными.

Лысково расположено на правом высоком берегу Волги в 91-м км от Нижнего Новгорода, вниз по течению великой русской реки, недалеко от устья когда-то полноводного Сундовика. Напротив, на левом низменном берегу Волги, где в нее впадает лесной Керженец, с 1435 г. существовал Макарьев-Желтоводский монастырь, а с начала XVII в. — знаменитая Макарьевская ярмарка, оказавшая решающее влияние

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 121—124.

² Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959.

³ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 272—293.

⁴ Мерзон А. П., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого: XVII век. М., 1960. С. 356.

на все стороны социальной жизни и торгово-хозяйственной деятельности лысковчан. Кроме того, через Лысково пролегла и шедшая вдоль Волги из центральных районов России в Понизовье и страны Востока древняя сухопутная дорога. Сюда же сходились местные торговые пути из хлебных арзамасско-запьянских земель и гуртовые тропы из «Дикого поля».

Таким образом, село имело выгодное географическое положение на пересечении многих местных и общерусских, как водных, так и сухопутных, транспортных магистралей. Отметим, что этим же объясняется и официальное учреждение в 1641 г. за Волгой, напротив, под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря, ярмарки.

В начале XVII в. Лысково было довольно крупным государственным селом с 520 дворами крестьян и бобылей, 136 лавками, полками и амбарами торгова, развитым кузнечным (в 1626 г. насчитывалось 14 кузниц), горшечным и кожевенным ремеслами. Среди бобылей-лысковчан в писцовой книге 1624—1626 гг. значился и Онтропок Леонтьев. Он и его сын Иван Онтропов привлекали внимание как дореволюционных, так и советских ученых.⁵ Предпринимательская деятельность Леонтьевых-Онтроповых за 1646—1660 гг. отражена в опубликованных актовом материалах вотчинного хозяйства Б. И. Морозова,⁶ а за 1672 г. — в данных переписной книги Лыскова.⁸

В начале XVII в. бобыль Онтроп Леонтьев (Левонтьев) платил оброк 2 руб., значительную по тем временам сумму, в то время как другие — всего 5—10 алт. Объяснение этому мы находим в сошной грамоте с писцовой книги Лыскова 1624—1626 гг. Тогда Онтропу Леонтьеву на местном торгу принадлежали лавка и лавочное место,¹⁰ а под Лысковом, на р. Сундовик, — еще 3 мельницы, за которые он вместе

⁵ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 1. С. 476, 478.

⁶ Гейман В. Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчинные села Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда // Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М.; Л., 1936. Ч. II. С. 25—27; Боровой С. Я. Кредит и банки России, М., 1958. С. 16; Курсков Ю. В. Социально-экономическое развитие России в XVII веке. Петрозаводск, 1959. С. 22; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. М., 1966. С. 140; Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в.: По материалам вотчины Б. И. Морозова. Л., 1967. С. 76, 166, 167; История СССР / Под ред. В. В. Мавродина. М., 1979. Ч. 1. С. 256, 257.

⁸ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М.; Л., 1933. Ч. I; 1936. Ч. II; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1940. Ч. I; 1945. Ч. II.

⁹ Копанев А. И., Петрикеев Д. И. Хозяйство крепостного крестьянина XVII века. М.; Л., 1982. Ч. I, II.

¹⁰ Рукописный отдел Горьковской областной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — РО ГОБ), ц. 90771, л. 22.

¹⁰ Там же. л. 31, 31 об.

с крестьянином с. Воротынец Иваном Сергеевым ежегодно платил 75 руб. 6 алт. 4 1/2 ден. Можно полагать, что уже тогда в лавках и на мельницах Онтропа Леонтьева работали его наемные люди.

Таким образом, сложившаяся в исторической науке характеристика бобылей как не имеющих своего хозяйства¹¹ для XVII в., «нового», по определению В. И. Ленина, времени, уже не соответствовала действительности. Пример с Онтропом Леонтьевым служит тому наглядным доказательством. Бобыли, на наш взгляд, могут характеризоваться лишь как не имеющие пашенной земли и занимающиеся исключительно ремеслом и торговлей. Их благосостояние в XVII в. могло быть значительно выше благосостояния крестьян-соседей. Нами выявлены многочисленные примеры наличия у бобылей XVII в. не только временно-наемных, но и собственных покупных людей.

В 1630-х гг. в семье Онтропа Леонтьева было четверо сыновей: Иван, Семен, Тимофей и Василий. Их хозяйство, значившееся уже крестьянским, было настолько крепким, что на «купленной земле» они начали строительство в Лыскове своим коштом каменной церкви (30×20 м) с двумя приделами по сторонам, с просторной трапезной палатой, папертью с крытым рундуком (крыльцом-входом), с отдельно стоящей шатровой колокольней и глубокими сводчатыми кладовыми подвалами в подцерковье.

К 1645 г. она была не только построена (хотя и оставалась долго не освященной), но и полностью снабжена иконами, книгами, ризами и колоколами. Это, пожалуй, единственный в отечественной истории пример, когда в первой половине XVII в. чрезвычайно дорогостоящую каменную церковь возвела собственными капиталами одна крестьянская семья. По своему архитектурно-художественному решению, как это видно из выявленных нами описей XVII в., она вполне отвечала складывавшемуся в середине столетия храмовому типу, например церкви подмосковного села Маркова (1672—1680 гг.) или Троицы в Останкине (1687—1688 гг.), возведенных нижегородским крестьянином-зодчим приволжского села Кадницы Павлом Сидоровичем Потехиным.

Опись 1681 г. сообщает, что церковь «Живоначальные Троицы построена во 153-м году, каменная, не священа, розвершка о пяти главах: большая глава крыта белым железом немецким чешуею, крест золочен, чепи железные. Четыре главы крыты белым железом, пасные... Да у той же церкви по правую сторону придел Успения пресвятыя богородицы освящен с теплою трапезою, каменной, верх об одной главе,

¹¹ История СССР. М., 1975. С. 272.

глава паяна белым железом... по левую сторону придел Николая чудотворца, верх об одной главе, глава паяна белым железом... Около настоящей церкви паперть каменная... А в церкви, и в пределах, и в трапезе в окнах решетки железные (полы.— Н. Ф.), церкви, и трапезы, и паперть мощены дубовым кирпичом в косяк... Подле паперти колокольная каменная, верх шатром з закомары, на ней пять колоколов, весу в них 100 пуд. У паперти крыльцо и рундук каменные, над рундуком на столбах вверх шатер. В длину церковь 15 сажень, поперег 10 сажень. А церковь и в церкви и в пределах образы, и книги, и ризы, и всякое церковное строение, и утварь лысковского крестьянина Антропа Левонтьева и детей его: Ивашка, да Сенки, да Тимошки. Построена на их купленной земле...»¹²

В сентябре 1645 г. дворцовое село Лысково с окрестными приселками и деревнями было пожаловано молодым царем Алексеем Михайловичем своему дядьке-воспитателю и шурину боярину Б. И. Морозову. Онтроп Леонтьев с семейством оказался крепостным крестьянином известного в XVII в. боярина-предпринимателя. Можно полагать, что именно по этой причине долгое время и не освящались остальные два престола возведенной на средства Леонтьевых каменной церкви, так как в жизни России той поры это было беспрецедентно.

В 1646 г. Онтроп Леонтьев вместе с детьми жил в одном дворе, хозяйство которого кроме домочадцев вели «купленной его человек татарин Данилко Данилов с сыном Якимком да дворовой же человек Серешка Трофимов да Мишка Федоров, у него ж мурашкинец Якунка Мартынов сын красилник с сыном Филкою, да у него ж дворовой человек Бориско Осипов».¹³

Как и все крестьяне Лыскова, семья Леонтьевых участвовала во всех общественных платах по раскладке на выть (их тягло составляло $\frac{3}{4}$ выти) и ежегодно вносила 15 руб. деньгами, нанимала рабочих людей на будные поташные станы, поставляла строевой лес для ремонта крепости Олениной горы, во время сбора даточных стрельцов наняла пятерых солдат. Кроме того, особо поставляла на боярский двор натуральный оброк в виде соли, рыбы, вязиги.¹⁴ К сожалению, мы не знаем размера годового натурального оброка Леонтьевых, но он явно был не менее оброка лысковчанина Ивана Спешилова, который ежегодно вносил «со своего низового промыслишку» от 100 до 125 пуд. соли.

Таким образом, зажиточная крестьянская семья Леонтьевых давала владельцу села боярину Б. И. Морозову значи-

¹² РО ГОб, ц. 24822, л. 18 об.—23.

¹³ Там же, ц. 90771, л. 147 об.—148.

¹⁴ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М., 1945. Ч. II. С. 96.

тельные доходы и он не только не препятствовал торгово-промысловой деятельности своих крепостных, но и способствовал тому, субсидируя Леонтьевых в критические моменты деньгами. Так, в 1650 г. Онтроп Леонтьев имел два крупных судна-насада и подрядился на них в тот год сплавить в волжское Понизовье 50 тыс. четвертей ржи, овса, круп и толкна,¹⁵ а обратно из Астрахани обязался доставить в Нижний Новгород рыбу ярославского гостя Михаила Гурьева, известного соляного и рыбного промышленника России XVII в., основателя Яицкого городка. Однако крупнотоннажность насадов Леонтьевых (каждое, по заявлению М. Гурьева, в сравнении с судами купца Василия Щорина было «мало не против 3-х таких судов подъемом»,¹⁶ тогда как «насады между Нижним и Астраханью поднимали до 1000 ласт, или 14 000 пудов»¹⁷) имела существенный недостаток: замедленный ход и необходимость частых перегрузок клади в паузки на мелководьях, так что купец жаловался на лысковчанина-подрядчика Б. И. Морозову: «... вешнее судно из Астрахани шло 13 пядей с лишком (с осадкой около 3 м.—Н. Ф.) и на дороге с моею рыбою на мелких водах паузилося многижда, и на перепасаухах тое мою рыбу на сонце и на жару сушило, и на дожде нарочно мяли. Да он же, Онтроп з детьми, отпустили из Астрахани после вешнего своего судна асеннее свое судно гораздо же велико и глубоко с моею рыбою после иных хозяев асенних судов многое время спустя; и то, г., его судно на дороге паузилося, где и не бывали пауски, потому, г., что они то свое асеннее судно грузом перегрузили. И то, г., их судно в Нижней не вышло, стало в заморозе, не дошед до Нижнего больши 200 верст. И ис того заморозу рыба моя в Нижней придет не в пору, потому что торговые люди, рыбы изнакупясь на деньги, из Нижняго розъехались; и мне, г., та рыба будет продавать в долги половиною ценою...».¹⁸ Он просил разрешения, во-первых, рассчитаться с Онтропом Леонтьевым не деньгами, а рыбой, во-вторых, забрать приготовленные в Нижнем Новгороде и Астрахани к будущему году новые его два судна.

Однако Б. И. Морозов в этом конфликте поддержал своего крестьянина и на двойное челобитье Онтропа Леонтьева от 17 и 24 ноября 1650 г. приказал выдать ему из кабацких сборов Мурашкина 1000 руб. для расчета с судовой командой и перевозки рыбы с замерзшего во льду под Васильсурском судна санным путем.¹⁹

¹⁵ Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. С. 166.

¹⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1940. Ч. I. С. 143.

¹⁷ Курц Б. Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 149.

¹⁸ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I. С. 143.

¹⁹ Там же. С. 140.

Онтроп Леонтьев сохранил за собой суда и на последующие годы, продолжая по подрядам поставку хлебных запасов в Понизовье Волги. В 1653 г. он поставил в Астрахань 34 тыс. четвертей ржи, овса и круп.²⁰ Постоянные крупные торговые дела в Нижнем Новгороде вызвали необходимость для Онтропа Леонтьева сначала купить на городском волжском берегу место для устройства пристани и складских помещений, а в 1654 г. «Онтроп пригородил к своему зимовому двору для утеснения» рядом расположенный пустырь, за который он выплачивал ежегодно в земскую избу оброк 13 алт. 2 ден.²¹

На исходе 1654 г. в семье лысковчанина произошли существенные перемены: сам Онтроп умер во время «морового поветрия», а его торгово-промысловое хозяйство перешло во владение старшего сына Ивана. К этому же времени младшие дети Онтропа — Семен, Тимофей и Василий — обзавелись собственными семьями и поселились возле некогда отстроеной их родом каменной Троицкой церкви.

Иван Онтропов не только продолжил поставку на своих судах купеческих товаров по приволжским городам, но и купил в Понизовье Волги собственные рыбные учуги и начал там разработку соли. Для «соляной продажи» он держал в Казани приказчика — лысковчанина Митьку Ипатьева.²² Правда, вскоре рыбные учуги на правах сильного «взял на себя» московский гость Василий Шорин, и Иван Онтропов был вынужден заняться исключительно поставкой рыбы и соли. Летом 1659 г. из Астрахани вышли два его судна с солью, отпуском которых занимался один из братьев, а сам Иван Онтропов в это время находился по торговым делам в Москве. Как и случалось прежде, перегруженные суда двигались против течения Волги медленно и не успели до ледостава дойти до Лыскова, вмерзнув «ниже Синбирского 40 верст».²³

Для перевозки соли и расчета с судовой командой Иван Онтропов занял у своего вотчинника Б. И. Морозова огромную по тем временам сумму — 2 тыс. руб.²⁴ Если мы учтем, что хотя бы четверть этой суммы пошла на расчет с работными, то общее их число у Онтропова в тот год было не менее чем 200—250 человек.²⁵

²⁰ Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. С. 166.

²¹ ЦГАДА, ф. 137, Н. Новгород, д. 17, л. 173.

²² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. II. С. 155.

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Там же. С. 80, 81, 93.

²⁵ По данным Н. А. Баклановой, сплавным рабочим за рейс от Нижнего Новгорода до Астрахани (и наоборот) платили 1.1—1.6 руб. См.: Бакланова Н. А. Судовые работники в торгово-промышленном предприятии Калмыковых // К вопросу о первоначальном накоплении в России XVI—XVIII вв. М., 1958. С. 137.

С сентября 1659 г. Иван Онтропов, как один из наиболее состоятельных лысковчан, был поставлен Б. И. Морозовым местным таможенным головой. Необходимо иметь в виду, что в это время достигает своего расцвета расположенная прямо напротив Лыскова за Волгой Макарьевская ярмарка, на которую ежегодно в середине лета съезжалось купечество всей России. Постоянный торг со 140 лавками был и в самом селе. Поэтому Иван Онтропов получил особо благоприятные условия для личного обогащения и повел себя столь независимо, что Б. И. Морозов был вынужден послать ему строгое предупреждение: «В нынешнем во 168-м году ведомо мне учинилась, что ты' пьешь, бражничаеть безобразно дома, не выходя, и в таможене не сидишь, и моим таможенным збором не радеешь, и прибыли ни в чем не ищешь».²⁶ Он грозил весь возможный недобор таможен Лыскова и Мурашкина «доправить» на нем. Угроза подействовала, и в июне 1660 г. Иван Онтропов, оправдываясь за возможный недобор в таможене, ссылаясь на заведение в тот год в вотчинном селе боярина Старом Покровском временно беспошлинного торгова, который сразу привлек всех местных торговцев, и слезно просил о прощении, чтоб «от тово недобору вконец не погинуть и совсем не разоритца и на правеже замученным не быть».²⁷

Иван Онтропов не только не разорился, но, наоборот, после смерти Б. И. Морозова в конце 1661 г. (по А. Мейербергу, 11 ноября) вдова боярыня Анна Ильинична полностью передоверилась Ивану Онтропову, который, пользуясь ее покровительством, после пожара части Лыскова захватил на посаде сразу семь дворовых мест для расширения собственной усадьбы. Погорельцы были вынуждены жаловаться прямо Алексею Михайловичу на самовольство богатого крестьянина и просили, «чтоб великий государь пожаловал их, велел те места отдать им по-прежнему под дворы на строенье, а с тех своих мест они учнут по-прежнему великому государю тягло платить, а они ныне скитаютца меж двор и живут по чужим дворам, а те-де места взяты у них насильством...».²⁸

Тем не менее дворовые места семи лысковчан оставались за Иваном Онтроповым вплоть до октября 1664 г., когда Лысково было вновь отписано в казну и по именному царскому указу на тех местах «селитца ему, Ивашку з братьею, было не велено».²⁹

В 1664 г. Иван, Семен и Тимофей Онтроповы были названы «лучшими» государственными крестьянами, у которых

²⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. II. С. 132.

²⁷ Там же. С. 172.

²⁸ Государственный архив Горьковской области (далее — ГАГО), ф. 2013, оп. 602-а, д. 13, л. 395.

²⁹ Там же, л. 395.

насчитывалось собственных «дворовых людей: Петрунка Афонасьев, Петрунка Павлов, Сенка Стефанов, Сидороко Захаров, Ивашко Петров, купленные полского полону: Купряшка Савельев, Офонка Иванов, купленной турского полону Логинко Дмитриев, крепостной».³⁰ Отметим, что после смерти родоначальника этого крестьянского рода Онтропа Леонтьева старые купленные им люди по установившимся тогда законам получали свободу и селились равноправными тяглецами на лысковском посаде. В доме же его сыновей появились новые «купленные» и «дворовые» люди. Приобрести их было несложно, так как по торговым делам Онтроповы часто бывали в Москве и Астрахани, где постоянно продавался «ясак» — пленные и захваченные во время войны с Польшей или при набегах запорожцев на Крым. Крепостные акты заключались в съезжей избе Нижнего Новгорода, а возможно, и на Марьевской ярмарке.

В 1664 г. Онтроповы имели в Лыскове лавки в овощном, рукавичном, мыльном рядах и анбар в соляном ряду, мельницу на р. Сундовик под Олениным острогом (в полутора километрах от Лыскова), откупали «воскобой», оставаясь одними из наиболее состоятельных лысковчан. Судя по названиям рядов, в которых у Онтроповых были торговые места, они широко практиковали скупку и продажу самых разнообразных изделий местных ремесленников.

В это же время Иван и Семен Онтроповы купили в Нижнем Новгороде дворовые места четырех разорившихся в результате введения медных денег нижегородцев и поставили две просторные усадьбы. В 1665 г. среди нетяглых дворовых мест Нижнего Новгорода, доставшихся новым владельцам «по купчим, и по закладным, и по даче, и по иным крепостям», были названы и «два двора лысковцов Ивана Онтропова з братом Семеном».³¹

В 1666 г. Иван Онтропов из государственных крестьян был взят в купеческое сословие гостиной сотни и еще в больших масштабах развернул торгово-промысловые дела. Сплавив ранней паводковой водой 1667 г. в Астрахань свои струги с хлебными запасами, Иван Онтропов обратился там к местному воеводе за разрешением «отпустить наемного своего прикащика Мишку Иванова из Астрахани к соляным к Воставому или где лутче соль сядет к соляным озерам павозком для соляной гребли, а работных, государь, гулящих людей будет на том павозке 26 человек».³²

14 июня 1667 г., получив разрешение, приказчик Ивана Онтропова М. Иванов с работными сразу же приступил

³⁰ Там же, л. 393 об.

³¹ ЦГАДА, ф. 137, Н. Новгород, д. 25, л. 282 об.—283.

³² Архив С.-Петербургского филиала Ин-та российской истории РАН, ф. 178, оп. 1, д. 5281, л. 1.

к «гребле» по озерам самосадной соли, и спустя чуть более месяца ими было нагружено в суда более 30 тыс. пуд. 24 июля того же года после уплаты Онтроповым таможенных пошлин было велено «отпустить из Астрахани лысковца Демку Филиппева вверх Волгою до Казани в струшку с солью, а соли в том струшку 8000 пуд, да работных верховых городов гулящих людей 75 человек, да 2 завозни, 3 лотки да подчалок».³³

Спустя три дня после этого было отправлено из Астрахани второе судно «Ивана Онтропова вверх Волгою рекою до Казани в струшку с солью, а соли в том струшку 22 898 пуд, да работных верховых городов гулящих людей 150 человек, да 3 завозни да подчалок, 2 лотки да кошаварный струг».³⁴ Тогда же вверх Волгой ушло «до Казани гостиной сотни Ивана Онтропова да нижегородца посатцкого человека Степана Павловца в струшку, а в том струшку 7250 рыб белуги и осетров, работных весельных, наемных, гулящих, верховых людей на том струшку 119 человек, 3 завозни и отчалок, 2 лотки».³⁵

При получении отпускных грамот на свои суда Иван Онтропов, завершив в тот год все дела с астраханской таможей, получил и итоговую запись, что «с привозного своего верхового товару пошлину по указу платил всю сполна».³⁶

Таким образом, в 1667 г. у Ивана Онтропова было уже не два, как ранее, а три крупных судна, 7 лодок, 3 подчалка, 8 завозен и особый «кошеварный» струг, которые обслуживались 344 наемными «гулящими верховых городов» людьми. На судах везли 30 898 пуд. соли и 7250 белуг и осетров. В числе приказчиков Ивана Онтропова были лысковчане, а «компаньоном» — нижегородец Степан Павловец.

Представляют интерес и приказчики Онтропова. Так, например, о Демке Филиппове (Филиппеве) после подавления в Лыскове очага повстанческого движения под предводительством разинского атамана М. Осипова было сказано, что у него во дворе оставался «работник того ж села Лыскова Серешка Емельянов, у Серешки сын Ивашко 7 лет, тягла полполчети выти, у него 2 лошади, корова, 3 овцы, 2 свиньи, хлеба налицо 5 четвертей ржи да в земле высеяно 3 четверти ржи, четверть пшеницы, 6 четвертей овса на тяглой и на наемной земле. Двор ево воровские казаки грабили, а взяли скотины: 6 коров, 30 овец, животных и товару на 400 рублей».³⁷

Состоятельным оказался и другой приказчик Онтроповых — Мишка Иванов, по прозвищу «Тяжелой», у которого

³³ Там же, д. 5322, л. 1.

³⁴ Там же, д. 5331, л. 1.

³⁵ Там же, д. 5322-а, л. 1.

³⁶ Там же, д. 5322-а, л. 1.

³⁷ РО ГОВ, ц. 25082, л. 2 об.

во дворе в 1672 г. служил купленный им «полского полону Лазарко Микитин, тягла пол-полчети выти с получетвериком, у него 2 лошади да жеребенок, 2 коровы, 3 осмины разного хлеба, посеяно государева жалованья полторы чети ржи, 3 чети овса, осмина ячменю. Воровские люди взяли рухледи на 5 рублей, да ево ж били и у плахи был».³⁸

Подвергся разорению в 1670 г. и лысковский двор Ивана Онтропова, после чего у него вместе с женатым сыном Стенкой осталось: «... крепостной человек Стенка Кальянов, у Стенки сын Ивашко году, тягла полчети, хлеба налицо четь муки ржаной, скотины: лошадь, корова».³⁹ При этом восставшие разорили и двор Семена Онтропова, жившего вместе с младшим, также женатым братом Тимошкой. В Москву сообщалось, что «у Сенки детей: Якимко 18 лет, Петрушка 6 лет, Васька 5 лет, Сенка 12 недель, у них купленной человек турчанин Афонка Иванов женат, тягла выть бес трети выти, хлеба налицо четверть ржи. Двор ево воровские казаки и в церкви животы ево грабили, а торговых промыслов ныне никаких нет, а преж сего ходили в Астрахань у них два насада».⁴⁰

Отметим, что сосед Семена Онтропова Лучка Сидоров оказался активным участником разинского повстанческого движения и был «в бунт за воровство казнен».⁴¹ Всего же во время восстания 1670 г. повстанцы разгромили 11 усадеб зажиточных лысковчан, что наглядно указывает на социальную направленность движения против верхушки посада, владения которой оценивались в 6592 руб., значительную по тем временам сумму.⁴² Существенную часть, ее составляло имущество Онтроповых, так как у восьми других лысковчан захваченное повстанцами имущество оценивалось лишь в 1800 руб.

В 1672 г. братья Онтроповы еще сохраняли в Лыскове лавку, лавочное место и амбар, а под селом на Сундовике — мельницу «Нерожину», с которой ежегодно выплачивали 55 руб. оброка.⁴³ Но Иван Онтропов с семейством все же покинул Лысково и переселился в Нижний Новгород, занявшись исключительно подрядами на поставку в Москву пермской соли. Так, только в 1677 г. предписывалось в нижегородскую таможенную донять «пошлин государева пермского соляного лодейного промыслу на промышленнике гостиной сотни на Иване Онтропове с товарыщи с продажной соли 895 рублей 11 алтын 4 денги».⁴⁴ Задолженность за ним в Нижнем Новгороде числилась и по истечении следующего года, а в 1682 г.

³⁸ Там же, л. 17 об.

³⁹ Там же, л. 22.

⁴⁰ Там же, л. 6 об.—7.

⁴¹ Там же, л. 7.

⁴² Там же, л. 51.

⁴³ Там же, л. 178.

⁴⁴ РО ГПБ, ф. 775, А. А. Титов, д. 3801, л. 6 об.

для ремонта судов и найма на них работных из государственной казны было выплачено «Ивану Онтропову лодейного промыслу на расход 280 рублей».⁴⁵

Как видно из текстов, Иван Онтропов занимался не только перевозкой, но и частичной продажей государственной соли в Нижнем Новгороде, отчитываясь о деньгах в местной таможне. И в 1683 г. предписывалось взыскать с «пермского соляного лодейного промыслу на промышленнике гостиной сотни на Иване Онтропове с продажной соли пермской 260 рублев 23 алтына 5 денег».⁴⁶

Иван Онтропов умер в конце XVII в. Его торговые дела продолжил сын Михаил, главным наследием которого оказалось значительное количество торговых мест в Нижнем Новгороде: 8 затворов в серебряном ряду, 7 затворов в щепетильном, 2 лавки в калашном и мясном рядах. Кроме того, за ним числились пустующими 6 погребов, 2 полка и 2 лавочных места (всего 27 торговых мест).⁴⁷

Сам Михаил Онтропов сидел в серебряном ряду, а большинство затворов и лавок он сдавал в наем, получая ежегодно не менее 105 руб. дохода, в то время как сам платил за все принадлежавшие ему торговые места лишь 11 руб. 26 алт. Кроме того, с щепетильным товаром он ежегодно выезжал на Макарьевскую ярмарку, но общая оценка вывоза не превышала и 100 руб. При этом Михаил Онтропов сообщал, что «на Москве и в городех и в ыных государствах в 701-м и в 702-м годех в покупке, и в явке, и в продаже, и в отпусках товаров и промыслов никаких и сиделцов в лавках и в долгах золотых иефимков и денег кабального и безкабального и в закладе ничего у меня нет...».⁴⁸

Младшие же братья Ивана Онтропова, Семен и Тимофей, в конце XVII в. продолжали жить в Лыскове возле «родовой» Троицкой церкви. У Семена Онтропова в 1681 г. сохранялся «крепостной человек» Афонка Иванов,⁴⁹ крещеный турок, купленный малолетком еще до 1664 г. По достижении же возраста он женился и остался навсегда жить в Лыскове.

Соляной торговлей продолжал заниматься лишь Тимофей Онтропов, но уже не в Лыскове, а в Мурашкине, где у него на торгу были два оброчных полка. В 1676 г. в семье Тимофея Онтропова родился сын Дмитрий, с которым связана заключительная часть нашего рассказа об этом крестьянском роде. Со временем он выучился грамоте, был рукоположен в духовный сан и к 1700 г. числился

⁴⁵ Там же, л. 77.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 137, Н. Новгород, д. 36, л. 25 об.

⁴⁷ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 1097, л. 7 об.—8 об.; Заозерская Е. И. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII веков // Петр Великий. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 218—221.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 1097, л. 7 об.

⁴⁹ РО ГОБ, ц. 24822, л. 44.

священником единственной в течение всего XVII в. в Лыскове каменной Троицкой церкви, возведенной еще дедом с сыновьями. В священническом доме и доживал свои последние годы Тимофей Онтропов. В отказной книге на Лысково 1700 г. сообщалось: «...во дворе поп Дмитрий Тимофеев, у него сын Ивашко 4 лет, дочь девка Анница 8 лет, у него живет отец ево, села Лыскова крестьянин Тимошка Онтропов».⁵⁰

Не менее заметным среди зажиточных лысковчан XVII в. был и род Муромцевых. Их родоначальник Василий Петров сын Муромцев впервые назван среди оброчных бобылей Лыскова в 1624—1626 гг.⁵¹ Тогда ему принадлежала на местном торгу лавка и среди новоприбылых мест еще одна лавка и два полка. Кроме того, бобыль Василий Муромцев владел на берегу Сундовика двумя амбарами, где складывал хлебные запасы.⁵²

Уже в начале XVII в. Лысково было одним из крупнейших центров торговли хлебом в Поволжье. В окрестностях села, на реках Сундовике и Валаве, стояло 17 водяных мельниц, где зерно перерабатывалось на муку, крупу и толокно, развозившиеся затем крупными партиями по городам. Наряду с кузнечным делом переработка зерна оставалась ведущей среди промысловых занятий лысковчан в течение всего XVII в.

Из простого сопоставления приведенных выше фактов напрашивается вывод, что бобыль Василий Муромцев был одним из наиболее состоятельных лысковчан, у него работало кроме подраставших сыновей несколько наемных людей сидельцев (не мог же он одновременно сидеть в 4—6 торговых местах?).

В 1646 г. Василия Петрова, сына Муромцева, уже не было в живых. Родовое дело продолжил его старший сын Афонасий, которому помогали младшие братья — Мартын, Кузьма, Василий и Иван. В качестве захребетника в их дворе жил «Лукьянко Львов сын, прозвище Третьяк».⁵³ Тогда же Афонасий, Василий и Иван Муромцевы перешли в разряд тяглых крестьян, в то время как их отделившиеся ранее братья — Мартынка и Григорий — продолжали числиться оброчными бобылями. Тем не менее в хозяйстве Мартынка в 1646 г. жил его «работник Гришка Ларионов», а у Григория — Ондрушка Гаврилов сын Донской с сыном Ивашком.⁵⁴

Наряду с лысковчанами Онтропом Леонтьевым и Иваном Спешилковым Афонасий Муромцев в середине XVII в. был владельцем собственного судна, на котором в 1653 и 1654 гг.

⁵⁰ Там же, ц. 90751, л. 36 об.

⁵¹ Там же, ц. 90771, л. 25 об.

⁵² Там же, л. 30 об., 31, 32, 36, 36 об., 38 об.

⁵³ Там же, л. 156.

⁵⁴ Там же, л. 171 об., 172.

он сплавил в Астрахань крупные партии хлебных запасов — соответственно 20 445 и 20 023 четверти.⁵⁵

В качестве приказчика судно сопровождал Мартын Муромцев. Но в 1653 г. во время торговых поездок по степям волжского Понизовья его захватили калмыки.⁵⁶ Братья предприняли попытку найти его по улусам кочующих степняков, но, по расспросам калмыцких тайш, выяснилось, что Мартына продали в Крым в рабство, и его следы затерялись.⁵⁷ В организации поисков Мартына Муромцева по заволжским степям принимал участие и лысковчанин Василий Онтропов. Поиски прервало разразившееся в Поволжье моровое поветрие 1654—1655 гг., во время которого Афонасий Муромцев погиб, а его жена постриглась в местный Рождественский монастырь под именем старицы Екатерины и со временем стала его игуменьей.

Рождественский монастырь в Лыскове был основан в 1620-х гг. на мирские деньги для пострижения неимущих вдов и сирот. В 1626 г. в рубленых вокруг единственной деревянной церкви кельях жило 16 стариц, но при поддержке зажиточной верхушки села монастырь быстро разбогател, и возле него уже к 1646 г. выросла довольно значительная слободка из 33 бобыльских дворов. Оброк со своего «зделья» они платили в монастырь.⁵⁸

Часть бобылей монастырь сохранил за собой и после отписи по Соборному уложению белых и монастырских слобод в посад. В 1664 г. возле Рождественского монастыря в 7 дворах жило 10 их «в совершенных летех» бобылей, а в 1681 г. сообщалось, что за монастырем «бобыльских старинных 3 двора, людей в них 8 человек, да пришлых 19 дворов, людей в них 47 человек, двор вдовей, детей у нее 2 человека. Всего старинных и пришлых и вдовей 23 двора, людей в них 57 человек, 2 человека захребетников, детей у них 3 человека. А те бобыли живут на оброке, оброк платят в Рождественской монастырь игуменье Екатерине с сестрами»,⁵⁹ которых тогда насчитывалось уже 108.

Среди монастырских бобылей были кожевники, рукавишники, шапошники, плотники, шерстобиты, свечники, портные мастера и ремесленники иных профессий, так что монастырь под игуменством Екатерины Муромцевой стал значительным не только по числу монашествующих, но и по богатству. Василий Васильевич Муромцев, ставший после смерти брата главой рода, помогал своей снохе перестраивать монастырь. Опись 1681 г. позволяет его представить во всех основных

⁵⁵ Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. С. 166.

⁵⁶ Архив С.-Петербургского филиала Ин-та российской истории РАН, ф. 178, оп. 1, д. 2794, л. 1.

⁵⁷ Там же, д. 2795, л. 2.

⁵⁸ РО ГОБ, ц. 90771, л. 200—201 об.

⁵⁹ Там же, ц. 24822, л. 41 об.

элементах: «... ограда новая, забрана кругом в столбы и уголье, рублена в лапу. Святые ворота, столбы покрыты тесом с прикалитком. На святых воротех образ Спасов со ангелы, и с пророки, и со апостолы на красках да Лазорево житие. На другой стороне из монастыря образ Иоанна Предотечи да о блудном сыне и о мытаре и фарисее.

А в монастыре церковь Рождества пресвятые богородицы, рублена в угол с трапезою: четверик кверху на четыре грани, о четыре главы, посреди глава и шея обита чешуею мелкою, кресты обиты белым железом, покрыта вся тесом. Три олтаря выпускные брусняные, рублены в лапу. На рапезе колоколница брусная, осмерик рублен в лапу з зубцами, крест обит железом. На колоколнице 7 колоколов. Кругом паперть на выпускных бревнах, 2 венца брусных забрано в косяк досками, покрыта тесом, паперть и над рундуком полатка крыта тесом...».⁶⁰

Вид церкви на высоком подцерковье со взлетом центральной главы над боковыми главами и прирубями приделов по сторонам, на взгорье между двух тихоструйных речек Медянок действительно отвечал значению монастыря и был заметным в архитектуре Лыскова XVII в.

Следует вообще отметить активную строительную деятельность Василия Васильевича Муромцева. «Своим коштом» он возводит на береговой террасе Сундовика в районе Нижнего торго Лыскова богадельню «по родителей своих на помин», возобновляет под селом основанный еще Иваном Грозным во время похода на Казань 1548—1549 гг. Стефаньевский монастырь.⁶¹ Тем самым он как бы заявлял о своей значимости в социально-духовной жизни края. Архитектура, как мы можем наблюдать на многочисленных примерах жизни различных социальных групп и сословий России XVII в., выступает важным показателем экономической независимости, социальной и духовной активности ктиторов-строителей.

В 1660-х гг. Василий Васильевич Муромцев являлся владельцем не только судна «для низового промысла», но и собственных крепостных людей. Нещадная эксплуатация заставляла их нередко бежать. Его «русские крепостные ж люди, Серешка Григорьев, у него сын Фетка 20 недель да Ивашко Степанов, бежали во 170-м году».⁶² Тем не менее в крестьянской усадьбе Василия Муромцева в 1664 г. значилось «дворовых людей: Петрушка да Федка 12 лет Кипреяновы, Онтонко Васильев, Якимко Иванов, купленные полского полону: Оверчка Григорьев, Филка Петров, Ивашко Филипов, Лучка Оксентьев крепостной»⁶³ — четверо русских и

⁶⁰ Там же, л. 36—36 об.

⁶¹ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. II. С. 144.

⁶² РО ГОБ, ц. 25082, л. 3 об.

⁶³ ГАГО, ф. 2013, оп. 602-а, д. 13, л. 393 об.—394.

четверо же поляков «крепостных», т. е. людей, на которых Муромцев имел официально оформленные крепостные акты.

Все это красноречиво свидетельствует о социальном расстройстве русского села в середине XVII в., когда зажиточная верхушка крестьянства (не только черносошного, но и частновладельческого) постепенно превращается во владельцев многоотраслевых торгово-промышленных хозяйств и собственных «дворовых и крепостных» людей. Поэтому вполне понятно, что острый социального протеста повстанцев во время Крестьянской войны под предводительством Степана Разина коснулся и их.

Во время прихода в Лысково разинского атамана Максима Осипова двор Муромцевых был подвергнут разграблению.⁶⁴ Тем не менее это не подорвало их хозяйства, в котором продолжало числиться «налицо хлеба: 7 четвертей ржи, 10 четвертей пшеницы, 3 четверти овса, 9 лошадей, 4 коровы да подтелок, 4 овцы», при этом сообщалось, что он же имеет промыслы «низовой и мыльной и пашню пашет».⁶⁵

В 1672 г. Василий Муромцев владел на местном торгу 3 лавками в щепетильном, 2 лавками в соляном рядах, а на базарной площади стоял его амбар, за который каждогодно он платил оброк 2 руб. 21 алт. 5 ден.⁶⁶ Кроме того, 2 лавки и 2 амбара в хлебном ряду были записаны за ним пустующими.⁶⁷ Основным местом оптовых торговых сделок для Муромцева оставалась ежегодная летняя Макарьевская ярмарка. И не случайно, что в синодике Макарьев-Желтоводского монастыря роды Василия, Ивана и Василия Васильевича Муромцевых записаны отдельно и наряду с боярско-служилым сословием России.⁶⁸

Еще более состоятельным Василий Васильевич Муромцев стал к началу 1680-х гг.: имел в Лыскове два двора, причем второе дворовое место он взял на оброк после смерти гостя Григория Никитникова.⁶⁹ Тогда же ему принадлежали на лысковском торгу лавка в щепетильном, 2 лавки в рукавичном рядах, 5 лавок на Нижнем базаре, причем 3 из них располагались прямо при усадьбе Муромцевых, 5 полков в калачном ряду и там же — хлебный амбар.⁷⁰ Кроме того, еще с 1675 г. Василий Муромцев довольно прочно обосновался на торгу другого крупного села округа — Мурашкина, где ему сначала принадлежала одна лавка в соляном ряду, а с 1681 г. было разрешено построить «на том месте для соляного, и рыбного, и мыльного своего промыслу лавки

⁶⁴ РО ГОБ, ц. 25082, л. 3 об.

⁶⁵ Там же, л. 3 об.

⁶⁶ Там же, л. 172—174.

⁶⁷ Там же, л. 175 об.—176.

⁶⁸ РО ГПБ, ф. 775, А. А. Титов, д. 2978, л. 146 об.—147 об.

⁶⁹ РО ГОБ, ц. 24822, л. 75.

⁷⁰ Там же, л. 76—80 об.

на три стороны: в соляном ряду, к Торговой площади да к красильному ряду и позади лавок — полки».⁷¹

Этот факт свидетельствует не только о расширении Василием Муромцевым торговых сфер влияния, но и о скупке (а возможно, и держании наемных рыбных ватаг) рыбы, о наличии в его хозяйстве мыловаренного промысла. Только сидельцев у него по числу торговых мест было не менее 17 человек. К тому же к концу 1670-х гг. В. В. Муромцев оказался прямо-таки «монополистом» местного мельничного промысла: на речке Валаве ему принадлежало сразу 10 мельниц, которыми ранее владел «москвитин, суконой сотни Иван Анিকেев».⁷²

Одиннадцатую мельницу на р. Сундовик, прозванную «Нерожиной», с которой он в 1676 г. начинал свой мукомольный промысел (а до этого она принадлежала Леонтьевым), Василий Васильевич Муромцев особым челобитьем в Москву попытался сдать другим «охочим людям» до истечения ранее заключенного договора, но из Приказа Большой казны пришел указ, чтоб мельницу «и с сенными покосы з гривую Глушицею и с выпускною землею с полудесятиною велено держать ему ж, Василью, ис того ж оброку, ис 15 рублей в три годы, для того что тое мелницу ис того оброку откупщиков никою не объявилось».⁷³

Таким образом, и здесь на 11 принадлежавших Муромцеву мельницах должен был работать не один десяток наемных людей. Это подтверждает и опись его двора 1681 г., в которой в личном хозяйстве Муромцева названы «крепостные ево люди: Якушка Степанов, у него четыре сына: Самышко, Ивашко болшой, Ивашко средней, Ивашко меньшей, у Самышки сын Дмитрейко 3 лет; Васка Меркурьев, у него сын Стенка 8 лет; Петрунка Купреянов сын Фертик полского полону, у него сын Ивашко полугоду; Якимко Иванов крестьянин; полского полону: Ивашко Степанов Самара, Бориско Иванов сын Жила, Митка Трофимов сын Медведь, Логинко Матвеев»⁷⁴ — итого 8 русских и 7 поляков.

Следует отметить, что Иван Степанов числился беглым от Муромцевых еще с 1662 г. и о нем был объявлен розыск. В 1681 г. он вновь оказался среди людей Василия Васильевича Муромцева. Причем Иван Степанов уже имел прозвище «Самара», возможно уточняющее место его пребывания во время побега.

В конце XVII в. Василий Васильевич Муромцев со своим женатым сыном Иваном (в 1681 г. он не назван среди домочадцев, и к 1700 г. ему, следовательно, было не более

⁷¹ Там же, р. 11, л. 420.

⁷² Там же, ц. 24822, л. 187—187 об.

⁷³ Там же, л. 187—187 об.

⁷⁴ Там же, л. 44.

18 лет) по-прежнему, ⁷⁵ владел на речках Валаве и Сундовике 11 мельницами, новорасчищенными «меж Макарьева озера и Надежек» пожнями-покосами. В его дворе значились «крепостные люди: Самышка да Ивашко большой да Ивашко ж меньшей, у него сын, у Самышки, Митка 20 лет, Андриюшка Иванов Одинцов, у него пасынки: Васька 5 лет, Ивашко 3 лет, Стенка да Мишка Васильевы дети: Стенка женат, Мишка 9 лет, Ивашко Андреев женат, у него сын Ивашко 2 лет, Микитка Щепетов женат».⁷⁶

Простое сопоставление имен людей рода Муромцевых за разные годы свидетельствует, что по прошествии 20 лет со времени последней переписи Лыскова старшее поколение их работных вымерло, а им на смену пришли дети и даже внуки, прочно закрепившиеся в хозяйстве зажиточного лысковского крестьянина. При этом фиксируются и вновь «купленные» люди.

С 1664 г. Лысково после почти двадцатилетнего владения боярином Б. И. Морозовым вновь стало государственным селом, точнее — посадом, так как здесь был свой представитель центральной власти — воевода, а на Олениной горе за Сундовиком стояла рубленая крепость с небольшим гарнизоном стрельцов, были своя земская изба с тюрьмами, довольно значительный торг с обычными для городов специализированными рядами, тремя таможенными избами, важней, померным амбаром, кружечным двором, винокуренным и солодовенным государственными заводами и вообще с развитым ремеслом лысковчан. Статус Лыскова как посада подчеркивало и появление в его центральной части, на так называемой Красной горке, собора, в строительстве которого принял участие и Василий Васильевич Муромцев.

Включенная в текст отказной книги 1700 г. опись позволяет представить застройку Красной горки во всех основных элементах: «Соборная церковь во имя Преображения господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, деревянная, об одной главе, крыта глава чешуей, а церковь тесом. Мерею церковь, олтарь и с трапезою 10 сажень, поперег 6 сажень, подволока забрана в косяк... У той же церкви по левой стороне придел во имя чудотворца Николая, не освящен, об одной главе, крыт тесом, глава с чешуею, крест обит белым железом, подволока забрана в косяк...»⁷⁷ а тот придел строение лысковца Василья Муромцева...».

8 июня 1700 г. Петр I пожаловал Лысково с прилегающими селами и деревнями переехавшему на жительство в Россию имеретинскому царю Арчилу Вахтанговичу и его сыну царевичу Александру «вместо кормовых денег и питей своего

⁷⁵ Там же, ц. 90751, л. 126—126 об.

⁷⁶ Там же, л. 76—76 об.

⁷⁷ Там же, л. 3—8 об.

великого государя жалованья».⁷⁸ И вновь Муромцевы из государственных крестьян перешли в разряд частновладельческих, по-прежнему оставаясь в течение всей первой половины XVIII в. в числе наиболее состоятельных лысковчан.

В 1744 г. уже не было в живых ни Василия Васильевича, ни его сына Ивана, но жена последнего Овдотья Муромцева вместе с сыном Иваном продолжала владеть работником Иваном Осиповым,⁷⁹ а во дворе другого ее сына — Федора Иванова сына Муромцева — значилась «купленная девка Марина Леонтьева дочь 17 лет».⁸⁰

В. В. ДОРОФЕЕВ

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

(По некоторым материалам, касающимся
Крестьянской войны 1773—1775 гг.)

В источниковедении истории СССР начиная с XIX в. карты и планы выделяются как графический источник в качестве особого вида графики в периодике.¹ В XVIII в. картографический материал не выделялся вообще ни в экономико-географических и статистических, ни в военно-топографических описаниях.² Материалы эти, однако, существуют, и источниковедческий анализ их в некоторых случаях необходим, хотя в массе своей они, по-видимому, не должны вызывать сомнений как объективные источники информации, нейтральные по отношению к классам общества, группировкам. Между тем встречаются материалы, когда необходимы определенные комментарии, дабы воспрепятствовать созданию ложного представления о событии или объекте. Примером такого случая может служить несколько документов, которые связаны с Оренбургом XVIII в.

Прежде чем говорить о конкретных документах, следует сказать несколько слов об основании и расположении города, поскольку особенности анализируемых графических материалов связаны с этим. Оренбург возник в определенной мере «искусственно», т. е. не вырос из какого-то населенного пункта и не появился на исконных торговых путях. Город закладывали трижды (в 1735, 1741 и 1743 гг.) в трех разных местах, и лишь на последнем месте он оказался действительно основанным. Возник он как город-крепость — оплот новой

⁷⁸ Там же, л. 1—1 об.

⁷⁹ Там же, ц. 24842, л. 19.

⁸⁰ Там же, л. 19.

¹ Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 273.

² Там же. С. 241—247.